

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПСИХИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вопросы психологии, № 5, 1990. — с. 121-128

Очевидность теоретической и практической значимости надежных знаний о природе интеллектуальных способностей человека контрастирует с реальным, весьма неудовлетворительным положением дел в психологии интеллекта, обнаруживающим себя, в частности, в нарастании критики самого понятия «интеллект». А. Дженсен, видный специалист в этой области, в одной из своих последних публикаций вынужден был заявить, что для научных целей от понятия «интеллект» вообще следует отказаться [12]. Суждение это отнюдь нельзя отнести на счет экстравагантности авторской позиции. Анализ наличного уровня теоретических и эмпирических материалов свидетельствует о сложившейся кризисной ситуации, суть которой можно обрисовать двумя словами: «Интеллект исчез». Попробуем вкратце проследить некоторые этапы становления этого понятия с тем, чтобы определить те основные противоречия, которые поставили под вопрос возможность существования термина «интеллект» в статусе психологической категории.

Интеллект традиционно исследовался в рамках двух основных направлений: тестологического и экспериментально-психологического. Впервые о существовании индивидуальных различий в умственных (интеллектуальных) способностях заговорил, как известно, Фр. Гальтон. Гальтон в качестве референтного проявления интеллекта рассматривал степень выраженности простейших сенсорных функций (различительной чувствительности в условиях восприятия цвета, размера, высоты звуков, времени реакции на свет, звук и т. д.). Впоследствии Бине и Симон включили в свою интеллектуальную шкалу, ориентированную на измерение уровня умственного развития ребенка, более сложные познавательные функции (запоминание, осведомленность, понимание и т. д.). На данном этапе развития тестологии интеллект рассматривался, таким образом, не столько как способность к познанию, сколько как достигнутый уровень психического развития, проявляющийся в показателях степени сформированности определенных познавательных функций (как вербальных, так и невербальных), а также степени усвоения определенных знаний и навыков. Предметом тестологических исследований оказались, следовательно, уровневые проявления интеллектуальной деятельности, причем именно те уровневые свойства интеллекта, которые достаточно однозначно соотносились с академической успеваемостью. Поэтому неудивительно, как справедливо отмечает А. Анастаси, что «большинство тестов, названных в 20-х гг. тестами интеллекта, позднее стали называться тестами способностей к учению» [1; 26]. Интеллект, как мы видим, «исчез», его заменило понятие «способность к обучению».

Исследования Терстоуна, Гилфорда и других авторов зафиксировали тот

факт, что различные интеллектуальные тесты достаточно часто весьма слабо или вообще не коррелируют друг с другом. Интеллект, таким образом, опять «исчез», распавшись на множество самостоятельных «первичных интеллектуальных способностей».

Наконец, достаточно скоро выяснилось, что традиционные интеллектуальные тесты оказались чрезмерно чувствительными к особенностям социальной компетентности людей. Попытка создать свободные от культурных влияний тесты окончилась фактической неудачей, так как оперирование картинками, геометрическими фигурами и

т. д. также требовало сформированности навыков, которые в существенной степени зависели от социального опыта человека. И снова интеллект «исчез», оставив вместо себя индивидуальные различия в степени социализации.

Наличие подобного рода сложностей вынудило тестологов пойти на радикальную меру, а именно: принять операционное определение интеллекта, отказавшись от попыток определения природы того психического качества, которое измерялось с помощью тестов.

Важно подчеркнуть, что неизбежность «исчезновения» интеллекта в рамках тестологических исследований была обусловлена не только обстоятельствами эмпирического плана, связанными с противоречиями тестового метода диагностики интеллектуальных способностей, но и типичными для тестологии методологическими ориентациями. Дело в том, что изначально в тестологии сформировалось понимание интеллекта как некоторой психологической (интеллектуальной) черты, проявляющей себя в определенной «задачной» ситуации. В сущности, была принята диспозициональная трактовка интеллекта: интеллект как способ поведения в определенной ситуации, предрасположенность действовать в тех или иных условиях интеллектуально. Например, Дж. Томпсон утверждает, что интеллект — это не прямо идентифицируемая характеристика, а абстрактное понятие, которое упрощает и суммирует определенные поведенческие характеристики [18]. По С. Боману, интеллект — это «...не реальное свойство разума..., а просто характеристика личности вместе с ее собственными действиями» [8; 9].

Стратегия исследования интеллекта при таком его понимании казалась очевидной: изучать интеллект следует через перечень конкретных поведенческих «примеров» интеллектуального поведения (частным случаем которых является ситуация решения тестовых задач). Однако скоро и здесь исследователи столкнулись с рядом серьезных противоречий, некоторые из которых в свое время сформулировал Т. Майлс [13]. Во-первых, факты вынуждали признать, что интеллект — это в принципе открытое понятие, поскольку под него может быть подведен до бесконечности широкий круг различных типов поведения. Во-вторых, выяснилось, что примеры поведения, которые трактуются как интеллектуальное, являются таковыми скорее в силу требований доминирующей культуры. Еще одно логическое усилие, и можно было бы встать на позицию, согласно которой интеллект — не более чем культурный артефакт. Стернберг с соавторами предприняли попытку на уровне эмпирического исследования определить такого рода интеллектуальные поведенческие прототипы. На основе факторизации ответов экспертов удалось выявить три наиболее типичные формы интеллектуального поведения: 1) вербальный интеллект (знание большого числа слов, чтение с высоким уровнем понимания и т. п.); 2) решение проблем (способность строить планы, применять знания и т. п.); 3) практический интеллект (умение добиваться поставленных целей и т. п.) [15]. Не вызывает сомнений, что выделенные прототипы настолько абстрактны, что термин «интеллект» фактически остается пустым.

Более современные варианты тестологических теорий интеллекта, такие, например, как радиально-уровневая теория Л. Гуттмана (1954), попытка Дж. Керрола исследовать тесты как когнитивные задачи (1976), берлинская модель структуры интеллекта А. Ягера (1967) и т. д., не приносят каких-либо принципиальных изменений в тестологическую парадигму.

Итак, хотя в рамках тестологического подхода сформировались, казалось бы, прямо противоположные ориентации: с одной стороны, жесткое сведение интеллекта к особенностям тестового исполнения (переход на операциональное определение) и, с другой — стороны, чрезмерное размывание границ этого понятия за счет подбора

примеров интеллектуального поведения (переход на диспозициональное определение), тем не менее за ними стоит нечто общее: деонтологизация интеллекта, фактическое отрицание его существования в качестве психической реальности.

Своеобразной реакцией на неконструктивность тестологических теорий явились теории интеллекта, разрабатываемые в рамках экспериментально-психологического направления и ориентированные на выявление механизмов интеллектуальной активности. Остановимся лишь на некоторых из них.

В первую очередь следует выделить теории, отстаивающие идею генетического объяснения интеллекта на основе учета как закономерностей его онтогенетического развития, связанных с освоением систем логических операций (Ж. Пиаже), так и влияния социально-культурных факторов (Л. С. Выготский, М. Коул и С. Скрибнер и др.).

Широкое распространение в последние годы получили неотестологические теории интеллекта Х. Айзенка, Э. Ханта и Р. Стернберга. Для теорий этого типа характерно признание IQ-концепции интеллекта, однако экспериментально-психологическому анализу подвергаются внутренние когнитивные процессы, которые стоят за IQ и позволяют объяснить индивидуальные различия в тестовом исполнении. Так, Айзенк настаивает на том, что базой и источником развития интеллекта являются проявления «ментальной скорости», которые, в свою очередь, обусловлены биологическими особенностями нервной системы, отвечающими за точность передачи нервных импульсов. Только при таком типе объяснения, по его мнению, проблема интеллекта будет выведена из «болота ментализма», и сам интеллект получит доказательства реальности своего существования [9]. Хант является сторонником когнитивного корреляционного подхода, суть которого заключается в исследовании того, как отдельные элементарные познавательные функции (например, скорость переработки лексической информации) соотносятся с успешностью исполнения определенного теста [11]. Стернберг свои экспериментальные разработки проводит в рамках когнитивного компонентного подхода, ориентированного на тщательный анализ основных компонентов процесса выполнения какого-либо традиционного интеллектуального теста (например, теста аналогий) для решения вопроса о том, как различия в степени выраженности каждого компонента сказываются на итоговых индивидуальных оценках по этому же тесту [14].

В советской психологии в рамках теории деятельности О. К. Тихомировым и его сотрудниками был предложен свой вариант объяснения механизмов интеллектуальной активности, в качестве которых рассматривались личностные факторы, в частности изучалось влияние на развертывание интеллектуального процесса мотивов, эмоции, целеполагания и т. д.

Перечисленные выше экспериментально-психологические подходы являются мощными теоретическими направлениями с чрезвычайно богатой и филигранно разработанной эмпирической базой. Однако нельзя не заметить, что для этих теорий характерной оказывается тенденция искать объяснения природы интеллекта «вне» интеллекта за счет обращения к тем или иным неинтеллектуальным факторам. Так, генетическое объяснение Пиаже обернулось логическим редукционизмом. Айзенк пришел к заключению, что интеллект следует объяснять некогнитивными процессами. Хант и Стернберг тяготеют к представлению об аналогичности элементарных информационных процессов, лежащих в основе интеллектуальных способностей и характеризующих работу компьютера. Что касается роли личностных факторов, то тезис о пристрастности познавательного отражения человека, безусловно, верен.

Тем не менее существуют, видимо, границы этой пристрастности, и задаются дни в первую очередь уровнем интеллектуальной зрелости личности. В этом как раз и заключается один из парадоксов психологии интеллекта: на познавательную деятельность на любом ее уровне (восприятия, памяти, мышления и т. д.) действительно оказывают влияние разнообразные личностные факторы. Специфическая же роль интеллекта заключается в том, что интеллект «производит» такие субъективные состояния, которые не зависят от характеристик познающего субъекта и являются условием объективации всех аспектов его познавательной активности. В этой связи весьма актуальным представляется высказанное в свое время Л. М. Веккером замечание о том, что задача психологии сейчас — показать не только то, в какой мере познавательный образ зависит от субъекта, но и то, в какой мере он от него не зависит. Субъективные состояния, не зависящие от характеристик познающего субъекта, — звучит действительно парадоксально, но суть проблемы интеллекта, по его мнению, именно в этом.

Казалось бы, один из наиболее очевидных вариантов разрешения сложившейся в психологии интеллекта кризисной ситуации — это объединение тестологического и экспериментально-психологического подходов на основе обобщения накопленного в их рамках эмпирического материала (к попыткам подобного рода можно, например, отнести триархическую теорию интеллекта Р. Стернберга [17]). Действительно, если снять все демаркационные теоретические границы, то возможно, с нашей точки зрения, выделение некоторого минимума базовых свойств интеллекта:

1) уровневые свойства, характеризующие достигнутый уровень развития отдельных познавательных функций (как вербальных, так и невербальных) и лежащие в основе процессов, презентации действительности (сенсорное различение, оперативная и долговременная память, объем и распределение внимания, осведомленность в определенной содержательной сфере и т. д.);

2) комбинаторные свойства, характеризующие способность к выявлению и формированию разного рода связей и отношений, в широком смысле слова — способность комбинировать в различных сочетаниях (пространственно-временных, причинно-следственных, категориально-содержательных) компоненты опыта; 3) процессуальные свойства, характеризующие операциональный состав, приемы и стратегии интеллектуальной деятельности вплоть до уровня элементарных информационных процессов; 4) регуляторные свойства, характеризующие обеспечиваемые интеллектом эффекты координация, управления и контроля психической активности. Свойства этого типа обнаруживают себя в организации поведения, в регуляции эффективных состояний, а также в эффектах саморегуляции интеллектуальной активности.

Такого рода или подобная ей классификация, безусловно, имеет определенный смысл, поскольку при этом подчеркивается тот момент, что интеллектуальные возможности человека в принципе не могут быть описаны каким-либо одним показателем. Тем не менее очевидна уязвимость позиции, с которой утверждается, что интеллект — это и то, и другое, и третье, и т. д.

Сложности в уяснении онтологического статуса понятия «интеллект» в значительной мере, как нам представляется, связаны с тем обстоятельством, что предметом исследования традиционно выступают свойства интеллекта (внешние проявления интеллектуальной активности в определенной «задачной» системе отношений). Однако попытки составить себе представление о природе психического объекта на основе описания его свойств оказываются, как правило, несостоятельными, о чем свидетельствуют противоречия и кризисы в системе психологического знания. [2]. Вопрос о природе интеллекта требует принципиальной переформулировки. Отвечать нужно не на вопрос: «Что такое интеллект?» (с последующим перечислением его

свойств), а на вопрос: «Что представляет собой интеллект как *носитель* своих свойств?» В итоге закономерным

представляется обращение к анализу структурной организации интеллекта, которая, в свою очередь, определяется особенностями состава и строения когнитивных психических структур, обеспечивающих специфический тип репрезентации происходящего в индивидуальном сознании и в конечном счете предопределяющих эмпирически констатируемые интеллектуальные свойства.

Структурные представления в различных областях научного знания, в том числе и психологического, используются в качестве надежного средства построения объяснительных моделей изучаемых объектов, нуждающегося, безусловно, в своей спецификации, когда речь идет об изучении психических явлений [7]. Применительно к исследованию интеллекта следует говорить о методологии структурно-интегративного подхода, поскольку, как мы далее увидим, именно феномен когнитивной интегрированности наиболее полно характеризует специфику интеллектуального отражения.

В контексте предлагаемого нами подхода, в частности, встает ряд вопросов. Первый из них: какова природа когнитивных психических структур, лежащих в основе работы человеческого интеллекта? По нашему мнению, в качестве когнитивных структур, тип строения которых в наибольшей мере может подвести нас к особенностям структурной организации интеллекта, являются понятийные (концептуальные) психические структуры. Почему именно понятийные структуры? В сущности, ответ на этот вопрос дал в свое время Л. С. Выготский. Вскрыв основной механизм психического (в том числе интеллектуального) развития, заключающийся в формировании подвижных систем межфункциональных связей («психологических систем»), он отмечал, что ведущую роль в перестановке познавательных функций играет понятийное мышление, ибо понятийные системы являются «ключом ко всем процессам развития и процессам распада» [4; 120]. Таким образом, именно понятийное мышление можно рассматривать как исходный пункт для понимания тех когнитивных механизмов, которые лежат в основе организации человеческого интеллекта. Проведенное нами исследование особенностей строения и функционирования понятийных структур подтверждает, что понятийное мышление выступает в качестве формы интегральной работы интеллекта [6]. Во-первых, понятийные структуры отвечают за специфический тип организации знаний, которые оказываются представленными в дифференцированном и иерархизированном виде. Во-вторых, будучи интегральными по своей природе когнитивными образованиями, понятийные структуры в силу сложности своего когнитивного состава обеспечивают возможность переработки информации одновременно в системе различных взаимосвязанных когнитивных «регистров» (словесно-речевом, визуально-пространственном и чувственно-сенсорном). В-третьих, понятийные структуры способствуют развертыванию некоторого психологического пространства отражения, которое имеет определенные закономерности своей организации и в рамках которого строится умственный образ актуального воздействия. Б. М. Величковский, изучая пространственные представления, сделал вывод о том, что единица представления пространства сразу же может развернуться в полноценный пространственный контекст в зависимости от поставленной задачи [3]. Аналогичная способность к развертыванию и свертыванию когнитивного пространства отражения характеризует и понятийные психические структуры, которые выступают в качестве своего рода «точки», из которой может быть развернуто в условиях столкновения человека с каким-либо объектом, событием, ситуацией, содержанием какой-либо идеи и т. д. определенным образом организованное пространство отражения. Это субъективное пространство по сути своей является формой оперативной активизации когнитивных ресурсов субъекта (а не просто

разверткой некоторого пространственного или семантического контекста), в рамках которого и строится репрезентация соответствующего события.. То обстоятельство, что

понятийные структуры — один из возможных путей исследования природы интеллекта, подтверждает и резко возросший в последнее время интерес к проблеме организации «знаниевых» структур субъекта (в том числе и понятийных) в связи с анализом индивидуальных различий в успешности интеллектуальной деятельности (М. Чи, 1978; Р. Глезер, 1984, и др.).

Исследование понятийных психических структур как «единиц» интеллекта подводит нас к второму вопросу, связанному с особенностями структурной организации когнитивного пространства индивидуального интеллекта, под которым мы понимаем доступный для данного индивидуума объем возможных форм познавательного отражения действительности. Особенности его организации характеризуются, во-первых, степенью структурированности и, во-вторых, степенью интегрированности.

Эффекты структурированности когнитивного пространства индивидуального интеллекта обнаруживают себя в характеристиках его субъективного объема. развернутости и гибкости границ познавательного отражения, их проницаемости по отношению к необычному опыту, а также в характеристиках его артикулированности (дифференцированности, связности и иерархизированности отдельных элементов опыта).

Эффекты интегрированности когнитивного пространства индивидуального интеллекта проявляются в соотнесенности (взаимопереводимости) и одновременной представленности в акте познавательного отражения различных форм когнитивного опыта. В исследованиях Б. Г. Ананьева и его сотрудников был сделан вывод о том, что по мере роста интеллектуальных возможностей все в большей мере дает себя знать влияние высших уровней познавательного отражения на низшие и низших — на высшие, т. е. складывается та система когнитивных синтезов «сверху» и «снизу», которая и образует целостную структуру человеческого интеллекта. Важно подчеркнуть, что говорить следует не просто о межфункциональных связях отдельных познавательных функций, а именно о приобретении каждой отдельной познавательной функцией качества интегральности. Как на этот счет писал Л. С. Выготский, в условиях интеллектуальной зрелости каждая познавательная функция перестает быть данной познавательной функцией в «чистом виде»: восприятие выступает уже как часть наглядного мышления, процесс запоминания превращается в сплав памяти и мышления и т. д. [4], т. е. оказывается, по известному выражению, проявлением «интеллекта в действии».

Вышеназванные структурные характеристики индивидуального интеллекта (степень структурированности и интегрированности, его когнитивного пространства) определяют, как мы уже говорили, тип репрезентирования отображаемой ситуации (то, как человек видит, понимает и интерпретирует про-исходящее). Таким образом, третий вопрос, интересующий нас в контексте данной статьи, касается специфики интеллектуальной репрезентации. Указания на критическую роль типа репрезентирования в понимании природы интеллекта можно сейчас встретить у разных авторов. К. Отли, например, считает, что именно «богатство возможных репрезентаций у животных и человека, вероятно, вплотную подводит нас к тому, что мы называем интеллектом» [14; 138]. Ф. Кликс утверждает, что адекватное репрезентирование является фундаментом всех последующих трансформаций, объединений и сокращений информации [5; 286]. Характерны в этом плане результаты экспериментальных исследований Р. Стернберга, свидетельствующие о том, что в ряду пяти основных компонентов процесса переработки информации этап репрезентирования исходной

ситуации явно занимает особое место. Так, своеобразно само распределение этих компонентов по объему затраченного времени: 54% приходится на кодирование (т. е. построение ментальной репрезентации внешнего воздействия), 12% — умозаключение, 10% — сравнение, 7% — проверка и 17% — сообщение ответа [17]. Весьма любопытно, что испытуемые,

126

имеющие более высокие уровневые показатели интеллекта, хотя и были более быстрыми на четырех последних этапах интеллектуального процесса, оказались более медленными на этапе кодирования информации [там же].

Следует подчеркнуть, что форма интеллектуальной репрезентации может быть предельно индивидуализирована в силу своеобразия когнитивного состава и строения индивидуального интеллектуального пространства отражения (это может быть «картинка», пространственная схема, комбинация чувственно-эмоциональных образов, иерархическое категориальное описание, смысловая конструкция, построенная по принципу абсурда, и т. д.), однако в любом случае такая репрезентация отвечает двум основным требованиям. Во-первых, это всегда порождение некоторой «ментальной модели» на основе внешнего контекста (типа презентации) и внутреннего контекста (наличной у субъекта информации, фиксированной в долговременной памяти) за счет включения механизмов конструирования опыта: реструктурирования, категоризации, комбинирования, перевода информации с одного «языка» репрезентирования на другой, селекции и т. п. Во-вторых, это всегда в той или иной мере инвариантное воспроизведение объективных закономерностей отображаемого фрагмента реального мира, т. е. речь идет о построении именно объективированных репрезентаций, отличающихся своей объектной направленностью. Объективированная репрезентация, таким образом, строится в соответствии с логикой самих вещей, тогда как в субъективированной репрезентации на первый план выходит логика субъекта, задаваемая характером его потребностей, переживаний, психологических защит, социальных ориентации и т. д. Следовательно, изучение структурной организации интеллекта подводит нас к еще одной парадоксальной закономерности: интеллектуальная деятельность оказывается тем в меньшей мере субъективированной, чем в большей мере представлено в ней субъектное начало в виде развернутого, структурированного и интегрированного когнитивного пространства индивидуального интеллекта, которое и отвечает за полноту и глубину порождаемых субъектом умственных образов.

Итак, категориальная схема предлагаемого нами подхода в изучении интеллекта выглядит следующим образом: понятийные психические структуры → особенности структурной организации развернутого ими когнитивного пространства индивидуального интеллекта → специфический тип репрезентации → свойства интеллектуальной деятельности, проявляющиеся в той или иной конкретной ситуации. Индивидуальные различия в интеллектуальной одаренности в конечном счете, по нашему мнению, оказываются связанными со своеобразием «видения» действительности.

Таким образом, структурная ориентация в изучении интеллекта возвращает, как нам представляется, интеллекту статус психической реальности и означает, что исследование интеллектуальных возможностей человека разворачивается «внутри» индивидуального интеллекта. Действительной феноменологией интеллекта, с нашей точки зрения, являются не его свойства, с высокой степенью разнообразия и вариативности обнаруживающие себя в ситуациях решения задач, а особенности структурной организации той иерархии психических носителей, которые «изнутри» определяют эмпирически констатируемые проявления интеллектуальной активности. По своему онтологическому статусу зрелый интеллект, следовательно,— это форма

организации когнитивного опыта, представленного в виде «накопленных» в ходе онтогенеза понятийных психических структур, степень сформированности которых определяет структурные характеристики субъективного пространства интеллектуального отражения. Основное назначение интеллекта — построение особого рода репрезентаций происходящего, связанных с воспроизводством объективного знания о мире. Вышеизложенное понимание интеллекта, как можно думать, в полной мере соответствует естественной стихии человеческого познания, для которого отнюдь не типичны «задачные» формы

активности, предлагаемые психологами-профессионалами в условиях лабораторного исследования интеллектуальных возможностей человека.

Совершенно очевидно, что уникальная возможность прорыва индивидуального сознания в сферу объективного, обеспечиваемая работой интеллекта, играет существенную роль в процессе становления индивидуальности. Снижение или блокирование интеллектуальной активности за счет внешних социальных средств или же в связи с включением механизмов психологической защиты может иметь для человека крайне негативные последствия. Не случайно О. Харвей с соавторами в этой связи отмечают, что «разрыв всех понятийных связей между субъектом и объектами, с которыми он связан, способствует деструкции Я, уничтожению той пространственной и временной опоры, от которой зависят все определения его существования» [10; 7]. Интеллектуальная зрелость, таким образом, выступает в качестве одной из предпосылок личностной адекватности и рациональности индивидуальной деятельности. Значение интеллектуально одаренных людей в обществе следует видеть не только в том, что они хорошо решают задачи и порождают новое значение, но главным образом в том, что они обладают способностью создавать разумную (объективированную) картину мира, т. е. видеть мир таким, каков он был, есть и будет в своей действительности.

1. *Анастаси А.* Психологическое тестирование. Кн. 1. М., 1982. 318 с.
2. *Веккер Л. М.* Психические процессы. Т. 3. Л., 1981. 326 с.
3. *Величковский Б. М., Блинникова И. В., Лапин Е. А.* Представление реального и воображаемого пространства // *Вопр. психол.* 1986. № 3. С. 103—112.
4. *Выготский Л. С.* О психологических системах // *Собр. соч.* М., 1982. С. 109—131.
5. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. Киев: Выща школа 1985, 295 с.
6. *Холодная М. А.* Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983. 189 с.
7. *Холодная М. А.* Структурный подход в психологическом исследовании мышления // *Проблемы философии: Основные принципы построения научных теорий.* Киев: Выща школа. 1988. С. 94-102.
8. *Bohmen S.* What is intelligence? Stockholm: Almqvist & Wiksell Intern.. 1980.
9. *Eysenck H. I.* (ed.). A model for intelligence. N. Y.» Berlin. Heidelberg: Springer-Verlag, 1982.
10. *Harvy O.J., Hunt D. E., Schroder H. M.* Conceptual system and personality organization N. Y.. London: John Wiley & Sons. 1961.

11. *Hunt E.* Intelligence as an information processing concept // Brit. J. of Psychol. 1980. 71. p. 449—474.
12. *Jensen A. R.* Psychometric "g" as a focus of concerted research effort // Intelligence. 1987. 11. P. 193—198.
13. *Miles T. R.* On defining intelligence // The Brit. J. of Educat. Psychol. 1957. 27. P. 153—167.
14. *Oatley K.* Perceptions and representations. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1978.
15. *Sternberg R. J.* et al. People's conceptions of intelligence // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1981. 41. P. 37—55.
16. *Sternberg R. J.* Human intelligence: The model is the message // Science. 1985. 230. N 4730. P. 1111—1118.
17. *Sternberg R. J.* Inside intelligence // Amer. Scientist. 1986. 74. N 2. P. 137—143.
18. *Thompson J.* Intelligence // P. McGuffin, M. F. Shanks, R. G. Hodgson (eds.) The scientific principles of psychopathology. N. Y.: Grune & Stratton, 1984.